

От услышанного Линь ощутил, как по коже побежали мурашки.

Ему совершенно не хотелось становиться чьим-либо «повелителем». Возможно, три года назад, сразу после попадания в этот мир, — да, тогда у него ещё имелся «синдром восьмиклассника», и подобные идеи казались захватывающими. Он долго искал свой «читерский навык» и, если бы тогда кто-то счёл его богом, подумал бы: «Вот и началась моя невероятная жизнь в ином мире!».

Но с момента перемещения прошло уже три года. Даже по законам его прежнего мира он давно считался совершеннолетним.

Линь знал, как это тяжело — зависеть от кого-либо; и как тяжело, когда кто-то зависит от тебя.

Но Кристабель Померан, похоже, этого не осознавала. Она относилась к тем, кто привык во всём полагаться на других. После потери способности ощущать страх у неё сохранились сформированные в прошлом привычки.

Пёсолюдка и так уже не раз страдала из-за зависимости, а теперь она без колебаний отдавала ему свою жизнь и веру.

Для целей Линя это было даже выгодно, но он всё равно в мыслях раздражённо цокнул.

Инквизитор в нём желал затащить её в комнату просвещения и прочитать ей наставление. Но сейчас он не являлся инквизитором — он играл роль тёмного божества.

Линь спокойно, без изменения тона, произнёс:

— И что ты можешь принести мне в жертву? Как твой муж — свою собственную новорождённую дочь?

Притворявшаяся без сознания Кристабель замерла.

Страха она не чувствовала, но в её голове всё равно на миг стало пусто.

Женщина резко пришла в себя. Она только что решила сама примкнуть к могущественной тёмной сущности, сама стать одной из культистов. А чем они занимаются, ей было прекрасно известно — достаточно вспомнить мужа.

«Дочь... Моя дочь... Нет!»

Лихорадочный огонь, горевший в её голове с самого убийства Сандалноса, слегка поутих.

Кристабель, забыв о своём притворном обмороке, уже собралась снова открыть глаза, чтобы взглянуть в осколок зеркала, но не успела — сильные руки подняли её.

Шершавые ладони стёрли с лица померанки кровь и ошмётки внутренностей, а владелица рук выкрикнула:

— Доктор! Срочно сюда!

Женщина-инквизитор — пёсолюдка породы хаски — нахмурилась, явно желая перенести Кристабель в другую палату. Но, как единственному инквизитору среди хаоса, устроенного культистом и монстром, ей было нельзя оставить это место без присмотра.

Она колебалась, пока в палату не вбежали две медсестры.

— В холле полно раненых, доктор ещё там... Ой! — воскликнула одна.

— Что за мерзость?

— Она ранена?

— Давайте сюда, мы её осмотрим.

Инквизитор, узнав обеих, передала им Кристабель. Услышав «ран нет» и «обморок из-за шока», она вспомнила, что владеет и другими заклинаниями, кроме «пронзания зла».

— Развевать! — она сжала кулак, и тёплая невидимая сила разошлась по палате, очищая воздух от цветочной пыльцы.

«Не слишком ли медленная реакция?» — Линь, наблюдавший из зеркала, устало прикрыл лицо ладонью.

Медсестры, успевшие вдохнуть пыльцы, едва не выронили пациентку, после чего зло зыркнули на инквизитора.

Та глупо улыбнулась. К счастью, у медсестёр не было времени для ругательств. Убедившись, что новых повреждений на Кристабель нет, они закрыли дверь, обтёрли её влажным полотенцем, вымыли волосы и переодели в чистую одежду.

— Почему здесь осколок зеркала? — спросила медсестра-птицелюдка и потянулась, чтобы забрать осколок из пальцев померанки.

Линь хотел отступить, но передумал.

Медсестра взглянула на гладкую зеркальную поверхность, но, похоже, не увидела там его отражения.

— Не трогай, — остановила её напарница. — С самого поступления много кто пытался его отнять, но она в него вцепилась мёртвой хваткой. Бедняжка; видимо, для неё он что-то вроде оберега.

— Но ведь она может пораниться, — возразила птицелюдка. — Обмотаю его марлей.

Она снова попробовала осторожно забрать осколок, но «бессознательная» пациентка сжала его ещё крепче.

— Ладно... — медсестра попыталась ещё пару раз, но, поняв, что ей, возможно, не удастся достать осколок, не повредив при этом ладонь Кристабель, она была вынуждена сдаться.

Линь тем временем помахал прямо перед лицом птицелюдки и окончательно убедился, что он для неё невидим.

Конечно же: Линь в своих снах с самого момента своего перемещения наблюдал за миром сквозь разные зеркальные поверхности. Хотя это и не происходило часто, всего раз-два в месяц, но если такие сны действительно являлись реальностью, значит, кто-то наверняка его хотя бы раз видел и имел возможность донести в Инквизицию, и тогда Линь мог бы найти себя в «Энциклопедии тёмных сущностей» инквизиторской школы.

«Нет, лучше уж мне не попадать в эту энциклопедию, а то мне будет всё время казаться, что из-за любого угла может выскочить верховный инквизитор с заряженным пистолетом».

Линь прогнал из головы мягкий образ Фельдграу Дуофюра и продолжил думать дальше.

«Почему Кристабель меня видит, когда никто другой нет? Что же в ней такого особенного?»

Он мысленно перебрал разные возможные варианты и решил при случае устроить парочку экспериментов.

Что касается Кристабель...

Даже после его слов она отказывалась отпустить зеркало.

И Линь не думал, что он ей дороже её дочери.

Вероятнее всего Кристабель помнила, что именно он изначально предложил спасти девочку, и поэтому померанка пришла к выводу, что эта тёмная сущность из зеркала вряд ли на самом деле попросит навредить ребёнку.

И Линь, конечно, не стал бы делать подобного. Но, раз уж его новоиспечённая «верующая» мыслила столь наивно, её требовалось «закалить».

«Нужно найти для неё подходящий способ тренировки», — подумал он.

Что же касалось экспериментов, то их лучше было отложить до тех пор, когда рядом не будет инквизитора.

Тем временем в палату вошли двое похоронщиков из церкви Звона — самый распространённый вид служителей под началом Инеевого Звоноврана. Все похоронщики носили чёрные плащи с закрытыми лицами, что мешало определить их пол или расу, и общались с живыми только при помощи жестов, не произнося слов.

Они забрали тела кульриста и монстров, вычистили следы крови и унесли с собой даже испачканное бельё.

Женщина-инквизитор включила вентиляцию, а две медсестры переложили Кристабель на другую кровать и снова задёрнули занавески.

— Осмотр её дочери уже закончился? — вполголоса спросила одна.

— Бедняжечку использовали как жертву для ритуала. Даже если осмотр не выявит осквернения, она всё равно сутки проведёт в комнате очищения. Девочка уже проснулась и всё время плачет... Но тут ничего не поделаешь.

Шаги медсестёр затихли в коридоре.

На кровати Кристабель открыла глаза.

Немного посмотрев в потолок, она подняла осколок зеркала.

«— Мой повелитель, — обратилась она мысленно к Линю. Возбуждение, охватившее её после использования своей новой силы, уже поутихло. — Как... как мне вас называть?»

Линь понял, что она хочет выяснить, какое он тёмное божество, чтобы судить о его способах действия.

Хотя он не являлся ни одним из известных тёмных божеств, вопрос о том, как его звать, и правда стоял.

— Как я выгляжу в твоих глазах? — таким же наводящим вопросом поинтересовался Линь.

Кристабель на мгновение задумалась, и, как и прежде, поняла, что, глядя в зеркало, не может различить черты своего благодетеля.

Единственное, что выделялось...

— Серебряные глаза... Серебряные глаза в зеркале.

Но в реальной жизни глаза Линя не были серебряными.

Он ненадолго задумался, а затем сказал:

— Можешь назвать меня... Око Зазеркалья.

Стоило ему лишь произнести это, как в его сознании вновь раздался далёкий голос — тот самый, что приходил к нему во сне:

— [Ты возвестил своё имя солнцу и дождю. С этого момента дождь будет литься на тебя].

«Кто это?»

Линь не стал повторять ошибку Кристабель. Он притворился спокойным, параллельно стараясь запомнить загадочные слова и сделать вид, что он ничего не услышал.

Кристабель же тем временем лишь озадаченно хмурилась.

«Неужели я настолько неосведомлена?»

Пусть Инквизиция и уничтожала любые записи, связанные с тёмными божествами, но после многочисленных атак культистов слухи о некоторых из них всё равно ходили.

Даже она знала о Деве Серебряной Луны и Тёмном Солнце, но вот имя «Око Зазеркалья» женщина слышала впервые.

Новоиспечённый бог заговорил:

— Не пытайся искать упоминания моего имени — ты их не найдёшь. Я лишь тень в зеркале, которая редко вмешивается в реальность.

«Значит, его последователи не устраивали теракты и кровавые жертвоприношения во славу своего повелителя?»

Кристабель с облегчением выдохнула, но он тут же добавил:

— Раз ты попросила у меня силы, то должна заплатить равную цену.

Даже лишённая страха, она ощутила, как сердце пропустило удар.

— Что ты можешь предложить? — спросил Око Зазеркалья.

— Я...

— Кроме себя и дочери, у тебя нет ничего, — холодно продолжил он. — У тебя нет даже денег.

— Эм... Что? — она растерялась.

Но это было правдой. Она трудилась в качестве домохозяйки и полностью зависела от мужа. После того как он ушёл с работы, они жили почти исключительно на остатки сбережений, питаясь один раз в день.

Квартира и мебель являлись съёмными, срок аренды подходил к концу. Неделю назад она попыталась обсудить с мужем продление договора, но в ответ он избил её.

Теперь она понимала: муж ещё тогда решил пройти ритуал и стать озверевшим. Лишившись сил сдерживать звериную ярость, он собирался уйти из города и, разумеется, не планировал брать Кристабель с собой. Момент завершения им ритуала стал бы днём её смерти.

Собираясь убить собственную жену, Сандалнос Доган заранее промотал все деньги.

У Кристабель не только не было финансов, так ещё на неё бы пали все долги мужа до тех пор, пока Инквизиция не признала бы его культистом, и Сандалнос потерял бы всю правовую защиту вместе с валидностью их брака.

«Как мне дальше жить?» — пёсолюдка наконец-то начала осознавать свою реальность.

А тем временем её повелитель определил её судьбу:

— Мисс, когда выйдешь из больницы, найди себе работу.

<http://bllate.org/book/12612/1119955>